

ТЩЕТА И ЛОВЛЯ ВЕТРА

Возникает искушение завершить обзор цитатой из Екклесиаста: все – тщета и ловля ветра. Действительно, умножаются свидетельства того, что политические элиты и России, и Европы, и США не в состоянии выйти за пределы установившихся представлений и стратегических формул, все менее отвечающих меняющимся реальностям мировой политики. А изменения нарастают и приобретают угрожающий характер. В частности, эксперты уверены, и, скорее всего, вполне обоснованно, что *центр* международной системы перемещается в Азию. Это вызывает в памяти одно из наиболее темных мест «Преступления и наказания», известное как *сон Раскольникова*:

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. ...Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше».

Ох, и непростой человек был Федор Михайлович! Ведь не азиатский же грипп он имел в виду.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ХРОНИКА ОБЪЯВЛЕННЫХ СМЕРТЕЙ

Итак, началось. Теперь уже вряд ли кто-то будет спорить, что наконец-то начался обещанный *новый мировой беспорядок*. Начался, как обычно начинаются наши исторические эпохи, внезапно. Просто пружина, годами накапливавшая напряжение, внезапно распрямилась.

О минувших четырех-пяти месяцах писать и легко, и сложно. Легко потому, что не вызывают сомнения ключевые, формо- и системообразующие события рассматриваемого периода. Бесспорно, это и начало процесса открытой нестабильности на Ближнем Востоке, и несколько новая геополитическая ситуация на Дальнем Востоке, которая напрямую затрагивает интересы и безопасность России, существенное, если не сказать – резкое, осложнение политической ситуации в нашей стране и введение в действие договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Эти события лежат на поверхности, они многократно и с различной степенью глубины откомментированы, их последствия проанализированы. И все, что остается нам, – это попытаться понять, с одной стороны, контекст, в котором произошли эти знаковые события, а с другой, попытаться понять логику происходящего.

КОНЕЦ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА, ИЛИ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ WIKILEAKS

Однако есть нечто, мимо чего пройти невозможно в принципе. Думаю, будет почти банальностью сказать, что скандал вокруг утечек с сайта *WikiLeaks* показал всему миру, что такое мировая дипломатия времен интернета и глобализации. Нет, конечно, все профессионалы неплохо представляли себе степень транспарентности – в плохом смысле этого слова – дипломатических и в целом внешнеполитических процессов. Для этого не нужны были *WikiLeaks* – достаточно было читать новости, когда чуть не каждый день сообщают об утечках информации, хакерах, кражах или потерях компьютеров с секретными данными и тому подобных событиях.

Комментаторы вдоволь потоптались над американской дипломатией, американскими партнерами, союзниками и противниками, читая выложенные *WikiLeaks* документы. Досталось всем. Говорилось, что интеллектуальный уровень донесений крайне невысок, а оценки неглубоки, и это было чистой правдой. Американцев обвиняли в том, что они делают крупные внешнеполитические выводы на основании *кухонных* разговоров, слухов и сплетен, что тоже соответствует действительности. В вину Госдепу (и только ли Госдепу) вменялись грубость и цинизм по отношению к партнерам и союзникам, чего действительно в *утечках* хватает.

Все так, но мне кажется, что в этом мусоре комментаторы проглядели два важных обстоятельства: во-первых, системность, с которой действуют американцы, изучая ситуацию в других странах. Да, конечно, *записки о золотом пистолете* Рамзана Кадырова могут веселить, но мы же не думаем, что это все, что американские дипломаты и *искусствоведы в штатском* передавали в Вашингтон. Американцы собирают всю информацию о стране, которую могут добыть, от всех источников, которые могут достать. Они явно не ограничиваются скачиванием из интернета разного рода *аналитики*, которая потом препарируется и подается как *сведения, полученные от источника, близкого к близким к информированным*. Отнюдь – люди работают *в поле*, и работают весьма интенсивно. И это вызывает большое уважение.

Второе и, наверное, главное обстоятельство – а в каких, собственно, оценках ситуации, что в России, что в других странах, американские дипломаты ошиблись? Вообще-то – и об этом очень удобно судить, поскольку мы обсуждаем оценки, сделанные некоторое время назад – подавляющее большинство оценок были абсолютно точные. В них не было прозрений и озарений, но это и не задача *линейного* дипломата. Но после утечек *WikiLeaks* как-то язык не поворачивается рассуждать о том, что американцы что-то представляют себе *неадекватно*. Они все, во всяком случае, на постсоветском пространстве, да, видимо, и в арабском мире, представляют себе адекватно. Достаточно почитать их оценки *мощи* российской оппозиции.

Напоследок задам один вопрос: никому не показалось, что набор информации, который порциями сливает на нас *WikiLeaks*, тщательно подобран, отредактирован и, что называется, *подготовлен к печати* с учетом внешнего контекста? И кстати, действительно ли ЦРУ, имеющее по всему миру десятки, если не сотни тайных тюрем и пыточных, не могло *решить проблему с неуловимым Джо* Джулианом Ассанжем в Великобритании, которая, конечно, суверенное государство, но с некоторыми особенностями.

Но главное в другом. Если приложить ту картину мира, которой нас одарила история с *WikiLeaks*, к сегодняшним событиям, то становится однозначно понятно, что вообще-то США еще некоторое время назад (вероятно, года полтора назад) вновь стали играть в мировой политике *первым номером*. И делают это под убаюкивающие рассуждения о том, что после мирового финансового кризиса они уже не оправятся. И именно поэтому в нынешнем обзоре нам волей-неволей придется оценивать мировую ситуацию сквозь призму этой пресловутой *игры первым номером* со стороны США. И, надо сказать, интересные обнаруживаются детали.

ЭТОТ БУРЛЯЩИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Так, кажется, называлась очень сильная книга известного советского арабиста Леонида Медведко, очень неожиданная по своей остроте для тогдашнего ортодоксального времени. *Неожиданные* события на Ближнем Востоке – только на первый взгляд неожиданные. О том, что светские – в рамках традиционной классификации *националистические* – режимы в большинстве ближневосточных стран находятся в предкризисном состоянии, в действительности говорилось много и правильно, в том числе и на страницах *Индекса Безопасности*. Поэтому говорить о внезапности произошедших событий было бы несправедливо. Скорее надо говорить о поучительности.

А все-таки, почему не очень заботящиеся о своем народе лидеры, такие как Хосни Мубарак, Муаммар Каддафи и Зин Абидин бен-Али, правили в свое удовольствие по 20–30–

Ъ
В
Р
О
С
С
С
Е
Е
О
Г
О
Р
П
Х
Ъ
В
О
Р
Н
М

40 лет, причем львиная доля правления пришлась на период, когда в Вашингтоне только и делали, что рассуждали о демократизации (и даже о силовом экспорте демократии) и правах человека? Почему Ближний Восток превратился в некий заповедник, в котором правители – особенно это видно на примере бен-Али – потеряли всякую связь с реальностью и всякое понятие о том, что нужно вообще-то обращать внимание не только на то, что говорят партнеры по разным международным организациям и клубам, а на то, что думает общество?

Не надо хорошо знать историю соответствующих стран, чтобы понять, что все три государства, которые оказались затронуты народными волнениями в первую очередь (и пока не ясно, как и где эта волна закончится), являлись важнейшими союзниками США в регионе (Тунис, конечно, выглядит некоторым исключением, но только на первый взгляд). А их лидеры царствовали в свое удовольствие исключительно при поддержке США и с их благословения. И именно с их благословения все вопросы, связанные с необходимостью хотя бы для приличия поменять отдельные фигуры во власти и соблюдать стандарты демократии, оставались без ответа. А зря. Еще пять-шесть лет назад у Мубарака была возможность уйти красиво, сохранив за собой образ *отца египетского экономического чуда* – в египетской экономике в годы правления Мубарака произошел очевидный рывок, и страна развивалась вполне успешно, во всяком случае, до конца 1990-х гг. А его семья вполне могла сохранить и после его ухода значимые позиции в национальной политике и экономике. Стоило только намекнуть из Вашингтона. Теперь же из Вашингтона не просто намекают, а прямо указывают, что пора передавать власть кому-то другому. На финальных стадиях процесса выталкивание Вашингтоном Мубарака со своего поста приобрело уже откровенно неприличные формы. Ну и конечно, весело было наблюдать за Лондоном и Парижем, которые, несмотря на все политические изменения, как и раньше, бегут впереди американского *паровоза*. А еще более развеселило то, как в случае с Ливией они попытались вылезти *вперед батьки* и как жестко им было указано их место.

 Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор – по электронной почте из Парижа: Набирающие силу антиправительственные демонстрации в арабо-мусульманском мире, независимо от исхода, приведут к изменениям геополитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Но не следует расценивать развитие ситуации лишь с точки зрения негативного сценария. Безопасность в регионе – это динамичный поступательный процесс, а не некое замороженное состояние *статус-кво*. Понятие *безопасность* сегодня включает в себя происходящие в обществе социальные преобразования, чаяния и ожидания народа. Правительства ряда арабских стран зачастую игнорируют эти новые факторы, что ведет к росту недовольства среди населения. Отставка президента Египта Хосни Мубарака – это не гарантия стабилизации ситуации в Египте. В то же время дальнейшее пребывание у власти в арабских государствах правителей, подобных Мубараку, грозит усилением радикальных настроений в обществе. Региону крайне важно разработать стратегию по *мягкому* выходу из сложившегося политического кризиса. Важно, чтобы главными принципами этой стратегии стали проведение открытых, демократических выборов, создание многопартийной системы и консолидация воинских сил. Реализация подобного плана может привести к возникновению абсолютно нового феномена в арабских странах, в некоторых чертах, возможно, схожего с турецкой моделью *перестройки* общества.

Что показательно: никто из серьезных аналитиков даже не пытался говорить, что события в Тунисе и Йемене носят стихийный характер. Попытки свержения правящих режимов в Алжире, Сирии и Иордании вообще носили *заранее объявленный характер*. В Египте элемент стихийности внешне, конечно, был существенно больше, но дело тут, вероятно, в том, что события стали происходить быстрее, нежели ожидали организаторы. Но, так или иначе, за всеми этими событиями явственно маячит могучий силуэт США, которые после скандала с *WikiLeaks* должны, по логике вещей, пребывать в полном унынии. Дело не в том, чтобы осудить американцев за презрение к национальному суверенитету других стран. Они, в конечном счете, решают внешнеполитические задачи своего государства более успешно и по-хорошему агрессивно, нежели кто-то еще в мире. И дело здесь не только в деньгах. Дело в политической воле и системности действий. Да, для интервенции в Ливию и захвата под видом гуманитарной интервенции не столько крупнейшего, сколько ключевого поставщика нефти в страны ЕС и Китай политической воли не хватило. Но и, по правде сказать, сама *попытка интервенции* выглядела экспромтом. Думается, в США, равно как и в большинстве крупных игроков, оказались просто не готовы к тому, что Муаммар Каддафи станет так активно сопротивляться, несмотря на почти полную изоляцию. Но и здесь США проявили недюжинную мудрость и отказались лезть в ловушку, которую им услужливо готовили европейцы – понятно, что в случае военной интервенции именно США понесли бы наиболее значимый политический ущерб.

Что же подвигло американцев на то, чтобы попытаться сменить людей, которые и дальше верой и правдой были готовы служить американским интересам? Вероятно, мы можем и должны предположить, что в США просчитали какую-то такую тенденцию развития ситуации на Ближнем Востоке, при которой превентивная смена дружественного, союзного режима даже с элементами хаоса и гражданской войны (что не является проблемой: в США никогда не считались с жертвами среди *туземцев*) будет выглядеть позитивным вариантом. Что это за развитие событий? Вероятнее всего, в США просчитали, что еще 2–3 года правления прежних режимов, и к власти реально смогут прийти радикальные исламисты. И последствия этого США контролировать уже не смогут. А пока все более-менее управляемо. И что интересно: за исключением некоторой нестабильности в Иордании, революции на арабском Востоке не затронули ни один из режимов, которые считаются *оплотом* американского присутствия: ни Саудовскую Аравию, ни Катар, ни Кувейт, ни ОАЭ. Видимо, с точки зрения хозяев *Facebook* и *Аль-Джазиры*, с демократией там все в порядке.

При сегодняшнем раскладе у США есть возможность для маневра, и вполне приличная. Я бы не стал полностью сбрасывать со счетов потенциал нового поколения светских националистов, тем более в руках демонстрантов в Каире было много портретов Г.А. Насера. Вообще, вынужден не согласиться с мнением Е.Я. Сатановского (с которым вообще-то согласен в 90% случаев), что в конце каждой революции в арабском мире маячит фигура бородача с автоматом Калашникова и зеленой повязкой на лбу. История арабских стран все же не столь однозначна, и вариант возникновения в Египте военно-полицейского режима с известными издержками с точки зрения прав человека мне представляется существенно более вероятным. В конечном счете, *демократическая революция* в Египте на 15 февраля 2011 г. закончилась классическим военным переворотом, а впереди уже маячит жесткое завинчивание гаек. Поэтому провозглашать, что США собираются покинуть Ближний Восток и оставить его на попечение *Твиттера*, в принципе пока, думаю, преждевременно.

Что касается Ливии, то развитие ситуации там оказалось во многом для меня неожиданным. Казалось, что Каддафи действительно превратился в политический труп, причем не с началом революции, а лет пятнадцать назад, и что шансов у него нет в принципе. Тем не менее, события пошли несколько по иному сценарию. Думается, дело тут не столько в наемниках из Чада и Нигера, которые, конечно, были, но не они сыграли основную роль в той сече, которую ливийский полковник и его родственники устроили в Триполитании и Киренаике. Было бы ошибкой отрицать то, что значительная часть ливийского общества в той или иной степени после полутора недель колебаний стала

Ы
В
Р
О
С
С
И
Е
Д
О
Р
П
Х
З
В
О
А
И
М

на сторону своего экзальтированного многолетнего руководителя. И дело тут не только в отсутствии у противников Каддафи лидера, и не в том, что на ливийцев угнетающе мог подействовать пример Туниса и Египта, которые после десятилетий относительного порядка погружаются постепенно в хаос. Дело тут в том, что *революции социальных сетей*, во всяком случае, в арабской трактовке, не рассчитаны на то, что им будут активно, тем более с оружием в руках сопротивляться. Иными словами, виртуальная реальность побеждает до тех пор, пока не наткнется на броню танка или свинец крупнокалиберного снаряда. И дальше ситуация развивается по классическим законам жанра, описанным заметным российским политологом начала прошлого века В. Ульяновым в работе «Государство и революция».

Кто выиграл в данной ситуации? Помимо США – давайте признаем, что этот раунд ближневосточной дипломатии пока остался безоговорочно за Вашингтоном, – следует назвать Иран. Да, именно Иран, поскольку идея светского *умеренного* (в том числе и по отношению к Израилю) национализма в арабском мире, вероятно, дискредитирована на десятилетия. Да и тактически в возникающем хаосе иранскому руководству при всей его прямолинейности и негибкости будет гораздо проще маневрировать, причем уже не только в целях выживания, но и для расширения своего влияния. Конечно, весь этот позитив реализуется, только если современному иранскому руководству удастся удержать под контролем внутренние процессы, а главное – сделать более вменяемой внутреннюю социально-экономическую модель развития. И тут кроется главная загвоздка, как бы сказала *поколение Facebook, засада*: если США не удастся если не *свалить* нынешний иранский режим, то хотя бы заместить его коалицией, где спонсируемые ими силы будут солидно представлены, тактический выигрыш Вашингтона может очень быстро превратиться в стратегический проигрыш.

Иран, оставшись в состоянии отсутствия идейной конкуренции со стороны арабских стран (согласимся, о лидерстве какой-либо из них в исламском мире надо забыть очень надолго), получает не просто дополнительную свободу маневра. Иран получает возможность идейной экспансии, которой он не имел с конца 1980-х гг., когда первичный импульс исламской революции выдохся, а вернее, был бездарно утрачен в ходе войны с Ираком и противостояния с СССР в Афганистане. Отсюда, кстати, вопрос: если американцы понимают эту угрозу, а в том, что они ее понимают, можно не сомневаться, не попытаются ли они канализировать импульс иранской идейной экспансии на север – в Центральную Азию? Благо подтолкнуть новоявленных региональных союзников к антииранским заявлениям – проще простого. Собственно, как они и сделали сразу же после исламской революции 1979 г. Тогда Советский Союз этот маневр проглядел. Интересно, насколько поумнели с тех пор наши политики?

Кто проиграл, причем уже сейчас? Многие аналитики говорят, что Израиль. Возможно, однако, в главном, стратегическом проигрыше окажется Европейский Союз. В конечном счете, США – даже с учетом существенных изменений в составе и настроениях американской элиты – не могут себе позволить ослабить поддержку Израиля. А вот Европейский Союз оказывается в крайне тяжелом состоянии, близком к стратегической изоляции. Но об этом поговорим ниже и несколько более подробно.

Но главный урок не в этом. Сила американской внешней политики заключается в том, что США просчитывают свою внешнюю политику на годы вперед, а не от одной *тусовки восьмерки* до другой. И в том, что США всегда готовы с выгодой для себя *сдать* любого союзника. И показателем здесь является не столько Мубарак, который проявлял порой некие вольности, но Первез Мушарраф, ибо не было более верного *пса* у Вашингтона в Азии, чем он, а теперь насквозь проамериканское правительство явно при одобрении Вашингтона отдает его под суд. То, что происходит сейчас в Египте и по всему Ближнему Востоку, – это большой намек постсоветским элитам Центральной Азии. Если кто-то надеется, что Вашингтон выполнит однажды взятые на себя обязательства, то делает он это совсем зря.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ: *THE DAY AFTER*

Договоримся о следующем: заключение последнего в череде Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений закрывает страницу истории под названием – *военно-стратегический паритет*. Хорошо это для безопасности России или плохо – судить потомкам, однако нынешнему поколению политиков и политологов понятно, что это было неизбежно. Причем неизбежно не только в силу объективного ослабления России и ее неспособности поддерживать группировку стратегических ядерных сил в состоянии, достаточном для паритета с США хотя бы и в контрценностном обмене. Это случилось лет десять тому назад, а контрсилевой потенциал был утрачен еще в начале 1990-х гг. Закат эпохи стратегического паритета связан объективно, прежде всего, с фундаментальным изменением статуса ядерного оружия в современном мире. Военно-стратегический паритет, основанный на паритете негативных возможностей стратегических ядерных сил, уже не может играть какой-либо значимой роли в современной системе международных отношений. В этом смысле от военно-стратегического паритета отказалась не только Россия, но и США, хотя для России этот процесс сопровождался куда более сильными *фантомными болями*.

Однако уход в историю военно-стратегического паритета объективно оставляет значительный вакуум в сфере безопасности, который пока не создает угроз для России, но явно обозначает контуры вызовов безопасности и международным возможностям нашей страны. В конечном счете, слишком многое в российской стратегии в сфере безопасности, да и вообще во внешней политике, было построено в расчете на доставшийся России потенциал стратегических вооружений. И теперь время думать, как двигаться дальше, чем обеспечивать свои претензии на влияние, но, что гораздо более значимо в стратегической перспективе, зачем, как и в какой форме Россия в дальнейшем сможет использовать свое ядерное оружие.

И в связи с этим будет резонно поставить на обсуждение несколько простых вопросов:

- Продолжает ли ядерное оружие оставаться (как это было в период холодной войны) гарантией от военного поражения? Допускаем ли мы, что в определенных условиях будет более политически рентабельно в межгосударственном конфликте признать свое поражение и поступиться не только политическим престижем, но и территориями, нежели прибегать к применению ядерного оружия?
- Насколько в принципе убедительным в современных условиях будет являться угроза применения ядерного оружия в конфликтах, где речь пока еще не идет о выживании страны? Насколько сам факт наличия у России ядерного оружия и даже потенциала его боевого применения может рассматриваться в качестве средства сдерживания в новой системе угроз и военно-политических отношений, в которые Россия будет втянута?
- Насколько стратегические ядерные вооружения сохраняют значение реально-го военного инструмента, или же они становятся некими символами статуса? Если это всего лишь символ статуса, то тогда, может быть, России действительно необходима новая ядерная стратегия, стратегия минимального ядерного сдерживания, основанная на принципиально иных типах стратегических ракет и боевых блоков?
- Насколько современная группировка сил и средств российских СЯС позволяет осуществить дозированное, стадийное и в целом ограниченное применение ядерных сил с целью не столько стереть противника с лица земли, сколько ограничить его политические и военные притязания?
- Насколько справедливо мнение о расширении спектра потенциального применения тактического ядерного оружия, а значит, и усиления его значимости как военного инструмента? (Забегая вперед, скажу, что мне это мнение кажется очень сильным преувеличением и неким лукавством: в конечном счете, количество ситуаций, в которых ТЯО может быть Россией применено по сравнению

Ъ
В
Р
О
С
С
И
Е
О
Г
О
Р
П
Х
Ъ
В
О
Р
И
И

с холодной войной, не увеличилось – ими остаются военное поражение в конфликте с НАТО и наступление китайских войск на Дальнем Востоке).

Напомню, что практически во всех документах, так или иначе связанных с российской военной политикой (о существовании какой-то интегральной *военной доктрины*, боюсь, на обозримую перспективу придется забыть, да и нужна ли она – большой вопрос), всемерно подчеркивается роль ядерного оружия и стратегического потенциала как основы российской военной политики. Если же мы приходим к нехитрой мысли о том, что роль ядерного оружия существенно меняется в современном мире и применительно к России, прежде всего, то тогда наша уверенность в наличии абсолютных гарантий безопасности страны начинает выглядеть несколько наивно, если не сказать убого.

ПОЛЕ БИТВЫ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ?

Любимое занятие военного аналитика – читать обновленный документ по американской военной политике и выискивать новые нюансы. В новой «Американской военной политике», которую в самом начале 2011 г. представили в Вашингтоне, много интересного и забавного, в частности, вызвавший восторг российских либералов пассаж о партнерстве с Россией. А также возмущивший российских патриотов тезис о готовности применять военную силу в одностороннем режиме. Можно подумать, раньше все было как-то по-иному. Но почему-то взгляд выхватывает из нового документа (кстати, надо отметить, сравнительно качественного и внутренне непротиворечивого) не это, а то, что *де-факто* ключевым для будущего США регионом становится Центральная Азия.

Удивительно, но никто не решается задать вопрос – а зачем США публично декларируют стремление к прямому политическому (а значит, возможно, и военному) контролю над регионом, который, казалось бы, лежит сравнительно вдалеке от ключевых зон интересов *великих держав*? Зачем США декларировать свою готовность инвестировать в союзников в регионе десятки миллиардов долларов (понятно, что на основе *общих демократических ценностей* партнерства с региональными элитами не построишь) в этот регион? Причем если раньше стратегический характер присутствия в регионе мог объясняться необходимостью обеспечения американского военного контингента в Аф-

 Фарход Толипов (Узбекистан), независимый политолог – по электронной почте из Ташкента: События на Ближнем и Среднем Востоке в форме осторожных обсуждений, как на уровне простых граждан, так и в *верхах*, оказывают некоторое влияние на ситуацию в государствах Центральной Азии. Некоторые вполне естественные экстраполяции и ассоциации имеют место в этих обсуждениях. Для этого имеется достаточно схожих черт в политических системах арабских стран и центральноазиатских режимах. Не исключено, что ситуация вокруг досрочных президентских выборов в Казахстане складывается под воздействием событий в арабских странах. То есть казахские власти стремятся действовать на *опережение* событий для придания большей легитимности президенту. С другой стороны, досрочные выборы – это часть задуманного Назарбаевым и его сторонниками сценария по реформулировке все той же сохраняющейся идеи референдума о продлении срока президентства до 2020 г. Неуклюжая попытка придания этому демократического антуража ведет, по сути, к тому же результату – лидер нации остается у власти до 2018 г. Но во всем этом прослеживается некий не совсем ясный пока план, задуманный окружением президента по реструктуризации политической системы страны.

ганистане, то теперь, на фоне разговоров о том, что контингент этот пора из региона выводить, тема несколько повисает в воздухе.

А ведь если отбросить подозрение о том, что американцы подбрасывают всему миру дезинформацию, получается, что США серьезно намерились сделать эту стратегическую инвестицию. Понятно, что региональным элитам дадут на прокорм *пустые* деньги, которых Вашингтон может напечатать практически неограниченный объем. При этом стратегическое партнерство со странами Центральной Азии будет означать принятие на себя определенных обязательств перед ними, а что самое главное, – перед их правящими элитами. Конечно, в отношении *великих сердаров* можно потом будет вести себя так, как повели себя Соединенные Штаты с Хосни Мубараком (и так оно и будет). Но это потом, а пока придется исполнять *ритуальные танцы* перед теми, кого в интернете без обиняков именуют *коррупцированными мясниками*. И если для республиканской элиты во главе с Диком Чейни это было бы нормально, то для либералов из Белого Дома такой маневр неизбежно будет сопряжен не только с моральными издержками, но публичными проблемами. И, тем не менее, США эту позицию декларируют, а значит, они эту ставку должны сделать. И сделать в тот момент, когда вопрос преимущества власти острее, чем стоит во всех странах региона, исключая, конечно, Киргизию, где власти в центральноазиатском понимании этого термина нет в принципе, и Туркмению, где режим Бердымухаммедова при всех издержках демонстрирует признаки устойчивости.

Остается только выяснить – зачем. Наверное, не только для того, чтобы *насолить* Москве, хотя и этот мотив, вероятно, присутствует. Способность Москвы управлять потоками ресурсов и основными транспортными коммуникациями как по линии так называемого *Великого шелкового пути*, так и меридиональными, как это ни странно, оказывается тем фактором, который дает право Москве говорить о том, что она имеет существенное влияние на постсоветском пространстве. Без позиций в Центральной Азии Россия – это всего лишь большое, рыхлое государство с отсталой инфраструктурой. Идея контроля над углеводородными запасами региона имеет право на существование, но только как элемент общей картины – в конечном счете, величина этих запасов (за исключением туркменского газа, конечно) и политическая рискованность и затратность любых углеводородных проектов таковы, что нужны иные, более веские основания для того, чтобы декларировать такую мощную ставку.

Есть как минимум три причины, по которым регион становится исключительно важным.

Первое. Как бы мы ни относились к этому факту и ни спорили по цифрам, именно околокаспийские территории (как центральноазиатские, так и закавказские) будут в XXI в. тем резервным (по отношению к Ближнему Востоку) источником нефти, который США могут контролировать. А значит – управлять экономическим ростом и в Европе, и, что самое важное, – в Китае, который, несмотря на усилия по развитию атомной энергетики, останется на обозримую перспективу зависимым от классических углеводородов. Дело не в абсолютном объеме запасов – дело в том, что у Европы и Китая других не будет. Да, остается еще и Россия, но эта ставка еще более рискованна, во всяком случае, пока.

Второе. Из первого пункта, в действительности, вытекает простое суждение, что без контроля – прежде всего, военно-политического – над Центральной Азией становится невозможной реализация транспортных проектов. За эти проекты брались европейцы, которые уповали на *рыночные механизмы* и провалились. Свидетельством тому – бездарное состояние в действительности довольно неглупого проекта *Набукко*. Американцы, вероятно, поняли главное – в этом регионе не экономика рождает политику, а сила порождает власть, которая порождает, в свою очередь, экономику.

Третье, о чем все как-то забыли. Не будем забывать, что Египет был центральной точкой для развертывания американского контингента в случае крупномасштабного конфликта и на Ближнем, и что еще более важно, на Среднем Востоке (инфраструктура для чего была многократно апробирована и в 1980-е, и в 1990-е гг., а также в ходе двух войн против Ирака). Теперь перед американцами совершенно очевидно встает проблема выбора пока еще не альтернативной, но уже резервной точки развертывания военной инфраструктуры, на случай, если событиями на Ближнем Востоке не удастся управлять

Ы
В
Р
О
С
С
С
Е
О
Г
О
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И
М

в полной мере. И, если посмотреть на карту, с удивлением понимаешь, что более удобного места, нежели Центральная Азия, просто нет. В определенном смысле она более удобна, нежели Ближний Восток, поскольку дает возможность при необходимости если не открыть, то обозначить *второй фронт* в отношении Китая.

Итак, вместо того, чтобы восторгаться пассажирами о стремлении США к партнерству с Россией, нужно понять, что новая американская стратегия является очень серьезным вызовом для России. Не угрозой, а именно вызовом, – вызовом для ее геополитической состоятельности, для умения выстраивать стратегию на ключевом направлении. Но хорошо бы для начала понять, что является для современной России ключевым направлением.

РОССИЯ И НОВЫЙ МИР: ЗАЧЕМ СПЯЩИЙ ПРОСНУЛСЯ

Глубокое недоумение вызывает активность наших властей по противодействию росту межнациональной напряженности в России. Даже не столько сама активность, сколько пожарный порядок, с которым действия предпринимаются. Какая неожиданность – в России стали расти националистические настроения, в особенности среди молодежи!!! Будто никто не знал о том, что этот процесс исподволь нарастал еще с конца 1990-х гг. Надо сказать, что наша власть многое сделала, чтобы молодая Россия проснулась. Причем с бейсбольной битой в руках и весьма специфическими представлениями о том, как надо вести дела в сфере межнациональных отношений. То, что развитие ситуации в России добром не кончится, умным наблюдателям стало ясно еще ранней осенью, когда вместо вздохов облегчения после безумного лета и дежурной радости по поводу выхода из экономического кризиса российские власти стали встречать урюмое молчание провинции и косые взгляды столицы.

А всего-то надо было еще лет пять назад жестко и однозначно пресечь джигитскую вольницу с лезгинками и автопробегами, о которой знали в стране, пожалуй, все. Надо было жестко пресечь превращение милиции в еще одну преступную группировку, сращенную накрепко с кавказским криминалом, контуры чего стали очевидны еще году в 2002. Но не хотелось отвлекаться от наслаждения *нефтегазовым гламуром*. А теперь нужно будет прикладывать титанические усилия для того, чтобы стратегически опасная, но не совсем беспочвенная и бессмысленная, идея *отделения Кавказа*, как говорится, не овладела массами. И успех тут отнюдь не гарантирован.

Прежде чем делать какие-то выводы о последствиях *пробуждения* для проблематики безопасности, зададим несколько крайне простых вопросов для того, чтобы понять новый контекст нашего существования:

- ❑ Сколько крупных инфраструктурных проектов в настоящее время осуществляется в России, помимо бесконечной саги об Олимпийских Играх в Сочи, еще не начавшегося плача о чемпионате мира по футболу и обросшей многочисленными коррупционными скандалами истории с саммитом АТЭС в 2012 г. во Владивостоке? Ни одного, если не считать пресловутого *Салсана*, но к экономике это, как мы понимаем, имеет весьма отдаленное отношение.
- ❑ Сколько крупных промышленных проектов, стоимостью более 3 млрд долл. каждый, было построено в России за последний десяток лет всех областей промышленности? Ни одного. Не считать же таковым *Сколково*. Проекты величинной в миллиард были, хотя и штучные, однако по-настоящему крупной инвестиции, стратегической инвестиции в российскую экономику, которую еще надо долго *отбивать*, не стал делать никто. Ни российский бизнес, ни зарубежный.
- ❑ Сколько значимых в международном плане брендов было создано за последнее время? Я знаю один – ГК *Росатом*, и еще очень большой вопрос, кто его создал – С.В. Кириенко (при всем бесспорном уважении к нему как к менеджеру) или Л.П. Берия. Этого мало, особенно учитывая то, что целый ряд брендов, которые могли бы стать международными, утратили свою самостоятельность, будучи поглощенными крупными зарубежными компаниями (и наиболее све-

жий пример – *Вимм-Билль-Данн*). Фактически последние 10 лет стали периодом содержательной деградации российской экономики.

- ❑ Сколько яхт длиной более 50 м купили за последние 10 лет наши бизнесмены и крупные чиновники? Не счесть.

А теперь попробуйте ответить на те же самые вопросы применительно к Китаю, Бразилии, Малайзии и Индии. И почувствуйте разницу.

И ответив на поставленные выше вопросы, легко можно подобраться к главному: почему на протяжении последних пяти-семи лет по мере роста экономики реальное влияние России в мире в действительности падает? И это уже не могут заслонить апелляции к патриотизму (за которыми скрывается почти конфуцианская идея покорности и почитания режима, сама по себе неплохая, но снимающая с повестки дня вопрос об ответственности режима перед обществом) и великодержавности. Ответ простой: модель развития страны рассчитана на внешние источники роста. Иными словами, живя надеждой на углубление кризиса в США, который сделает американцев податливыми и более сговорчивыми в том, что касается внутривнутриполитических художеств, наша элита, кажется, вообще перестала обращать внимание на то, что творится у нее в стране. Это и неудивительно, если учесть, какая доля наших *героев эпохи гламура* имеет за рубежом уже не только недвижимость, но и паспорта иностранных государств. А кто не имеет, тот очень хочет его получить, о чем свидетельствует пример некоторых наших вроде бы в прошлом *патриотических* политиков.

Конечно, внутреннее *расстройство* в современной России есть проблема внешнеполитическая, а в перспективе и военно-политическая, так как неумное хождение с битой внутри страны рано или поздно приведет к обострению отношений с соседями. Хотя, конечно, кое-кому из наших соседей уже пора стукнуть слегка по темечку, как бы напоминая о нашем существовании...

Продолжая разговор о вопросах безопасности и внешней политики, скажем, что очень симптоматично, что ежегодная февральская конференция в Мюнхене, которая, казалось бы, должна была свидетельствовать о новом статусе нашей страны – как-никак, ее признал публично за партнера Вашингтон, – прошла, причем впервые за много лет, при минимальном интересе к России. Несмотря на помпезность, с которой было обставлено введение в действие Договора СНВ, в реальности на данном знаковом мероприятии обсуждалось что угодно, только не роль России в мире. И что симптоматично, на прошедшем несколько раньше форуме в Давосе наша страна тоже как-то не звучала, хотя цены на нефть и приличные темпы экономического роста должны были этому способствовать. А главное, Дмитрий Медведев, хоть и в скомканном формате, но озвучил то, что от него хотела услышать мировая либеральная общественность. А в ответ – тишина...

Мне кажется, пора задать вопрос – почему? Потому что серьезные люди на Западе, наблюдая за российской действительностью, сделали вывод, что, несмотря на бодрые рапорты о *всеобщей поддержке* и экономическом росте, нашу страну ждет очень жесткий системный кризис, и что если о чем-то договариваться с Россией на будущее, то делать это надо с людьми, которые переживут этот кризис, и с учетом обстановки, которую этот кризис создаст.

Можно, конечно, по этому поводу начать заламывать руки и *истерить*, горюя по поводу неслучившегося партнерства с Западом. Можно начать проводить аналогии с Египтом: если режим Мубарака продержался 18 дней, то сколько это будет по-русски... Можно рассуждать по этому поводу на либеральных радиостанциях. А можно попытаться сделать выводы, главный из которых должен, вероятно, звучать следующим образом: необходима *девиртуализация* российской политики. Нет, я не к тому, что нужно прекратить писать в *Твиттер*. Я к тому, что виртуальным можно сделать многое. Экономический рост и политику, культуру и здравоохранение. Даже борьбу с терроризмом. Но только на очень короткое время и с печальными последствиями. Для нас это время, вероятно, вышло. Пришло время практических дел.

А вы говорите – стабилизация.

МОЗАИКА НОВОГО МИРА

Итак, думаю, никто уже не будет спорить, что мы присутствуем при рождении нового мира. И это именно тот мир, который рожден мировым экономическим кризисом. Почему-то все думали, что этот новый мир родится в США, которые мировой кризис задел сильнее всего. Причем родится, если не через распад, то, как минимум, через серьезный катаклизм. И основания так думать были, достаточно было посмотреть на объективные экономические показатели. Однако все произошло несколько по-другому: США, даже учитывая странные флуктуации рейтинга Барака Обамы, являют миру завидную стабильность и отсутствие признаков грядущих катаклизмов. Понятно, что стратегические проблемы американской экономики и политики не решены, но то, что США добились значимых тактических успехов, – бесспорный факт.

Чего нельзя сказать о наших европейских друзьях. За последние пять лет ЕС сделал все, чтобы оказаться в ситуации стратегической изоляции. Уповав на свою экономическую мощь (оказавшуюся *при вскрытии* экономической мощью одной страны – Германии, с небольшим довеском в виде Франции), европейцы умудрились не только втянуться в затяжной экономический кризис, закончившийся кризисом идентичности, но и проглядеть начало весьма неблагоприятных процессов на своей периферии. Кажется, европейцы в своей риторике о демократии и правах человека даже не поняли, какую шутку с ними сыграли их американские друзья, раскачивая репрессивный, однако же стабильный режим Мубарака и вполне сибаритское правительство бен Али. Я уже не говорю о среднесрочных последствиях нестабильности в Тунисе, Ливии и Алжире. Иными словами, Европейский Союз получил в своем *подбрюшье* долгосрочный очаг нестабильности, который будет занудно, но постоянно высасывать из Европы финансовые ресурсы, которые еще останутся после попыток спасти социальное государство. И то, что сейчас происходит на пересылке на итальянском острове Лампедуза, – еще цветочки.

И тут самое время вспомнить, что и на восточном и северо-восточном фланге ЕС ситуация для европейцев складывается самая неблагоприятная: зачем нужно было так грубо и по-снобски отталкивать от себя Турцию и превращать вопрос о визах для России в способ ее постоянного унижения? Вспомнить и понять, что стратегическое положение ЕС, мягко говоря, не свидетельствует о наличии хоть какого-то потенциала глобальной конкурентоспособности. Единственным осмысленным маневром европейцев была попытка стратегического партнерства с Китаем, причем именно попытка – до практической реализации концепции *оси Брюссель–Пекин* дело, кажется, не дошло.

И что самое интересное, европейские политики и политологи, увлеченные самолюбованием, даже не понимают сложности стратегического положения ЕС. Отсюда вопрос – насколько России стоит делать какую-то долгосрочную ставку на политическую систему, которая утратила способность к долгосрочному видению и начинает утрачивать инстинкт самосохранения?

Не менее показательные события происходят на Дальнем Востоке. И тут не приходит на ум ничего лучше, чем чеканная и применимая почти к любой ситуации формула советского агитпропа *два мира – две морали*. Это к тому, что нельзя не отдать должное мудрости северокорейского руководства и не подивиться отсутствию таковой у японского.

Согласитесь, то, как КНДР (подчеркну, не посредники, не США, не Китай, а именно КНДР) *разрушила* почти предвоенную ситуацию на Корейском полуострове, говорит о том, что страной руководят очень умные и прозорливые люди. Вообще, отматывая эту историю назад, почему-то никак не удается избавиться от ощущения, что Южная Корея, по-простому говоря, *нарывалась* на войну или, как минимум, на серьезный конфликт. Действительно, надо быть крайне наивным, чтобы не понимать элементарного: в ситуации неоднозначных внутривнутриполитических процессов, связанных с передачей власти, северокорейское руководство просто не имеет других вариантов ответа на южнокорейские провокации, нежели удвоенный ответный удар. Зачем это понадобилось Сеулу –

большой вопрос, но, вероятно, там посчитали, что только так они смогут актуализировать понимание в США своей роли в грядущем противостоянии – даже не с Пхеньяном, а скорее с Пекином. Почему Пхеньян повел себя в данной ситуации максимально гибко, несмотря на воинственные заявления, остается вопросом открытым. Вероятно, в Пхеньяне четко поняли суть происходящего в мире и решили, что не время сейчас выходить *под софиты*. В конечном счете, вопрос не в том, чтобы уметь пугать мировое сообщество ядерной войной. Вопрос в том, чтобы вовремя давать ему надежду на мир. И Пхеньян вовремя эту надежду подарил.

На фоне этого поведение наших японских соседей не может вызывать ничего, кроме удивления и недоумения. Проблема не в том, что Токио не бросился после визита российского президента признавать суверенитет Москвы над Курилами. И не в том, что военный потенциал Токио, в особенности в военно-морских вооружениях, достаточен для того, чтобы создавать серьезную угрозу российскому Дальнему Востоку. В конечном счете, нынешняя японская политическая элита за последние пять лет привела свою страну к грани полной геополитической изоляции: впервые за всю послевоенную историю Япония имеет неблагоприятные политические отношения со всеми государствами региона. Проблема в том, что своими неумными истериками (и последствия разрушительного землетрясения в данном случае вторичны, хотя и существенны) Токио доказал, что Японию нельзя рассматривать как потенциального партнера России в розыгрыше *ей дальневосточной карты*. По крайней мере, в следующие лет 10. Это существенно усложняет положение России в регионе, который – если, конечно, у нашего руководства хватит мудрости – должен стать источником возрождения российской государственности и укрепления российской экономики.

В целом, надо, присмотревшись к *новому миру*, и к фундаментальным его процессам, и к кажущейся пока несущественной *мозаике*, понять, что не только Евросоюз, но и Россия начинает жить в принципиально новой и не всегда благоприятной геополитической ситуации. Ситуации, когда вновь, как и 15 лет назад, ключевые угрозы безопасности и внешнеполитическим возможностям исходят для нашей страны изнутри, а отнюдь не извне, при всем понимании цинизма целей наших партнеров. И когда будущий международный статус нашей страны зависит не столько от нашей дипломатии, сколько от элементарной способности наконец выработать какую-то осмысленную внешнюю политику. А если это удастся, – порадоваться тому *внезапному озарению*, что объективно единственным направлением, по которому у нашей страны остается серьезная свобода маневра, оказывается, как это ни странно, юго-восток. То есть наша нелюбимая Центральная Азия, которую, боюсь, наша политическая элита куршавельского разлива представляет себе в виде массового скопления Равшанов и Джемшутов. А зря.

Однако если посмотреть внимательно на все те темы, проблемы, реальные и потенциальные конфликты, которые стали актуальны за последние 4–5 месяцев и которым посвящен этот обзор, с удивлением понимаешь, что так или иначе вся геополитическая игра США направлена на то, чтобы подготовить геополитическое пространство к решительному противостоянию Китаю. Во всяком случае, практически все события последнего времени имеют к Китаю самое непосредственное отношение: и стратегическая изоляция Европы, и имитация примирения США с Россией, и нацеленность на Центральную Азию, и волновая дестабилизация на Ближнем Востоке, случившаяся как раз тогда, когда Пекин стал проявлять к региону интерес.

Главный вопрос – крайне простой: смогут ли США управлять всеми инициированными ими процессами, или же уверовавший в свое мастерство повар не справится и побьет тарелки? В конечном счете, ставка слишком высока: речь идет уже не столько о глобальном могуществе Америки, сколько о ее способности поддерживать для себя такие внешнеэкономические условия, при которых состояние внутренней экономики хоть и будет оставаться проблемой, но уже далеко не смертельной. Речь идет о *выживании единственной сверхдержавы*.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- ¹ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 2010, 21 ноября. http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ² Выступление С.В. Лаврова на 47-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен. 2011, 5 февраля. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/f1631eb48c8fa55cc325782e004eba9e?OpenDocument (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ³ Bolton John. Surrender is not an option. Simon & Shuster Inc. 2008. P. 55. Дословный перевод на русский язык выражения «arms control theologians» практически невозможен. По смыслу, хотя и не очень удачно, его можно перевести как «звездочеты от разоружения».
- ⁴ Resolution of advice and consent to ratification agreed to as amended in Senate by Yea-Nay Vote. 71 – 26. Record Vote Number: 298.
- ⁵ Блог Константина Косачева. <http://www.echo.msk.ru/blog/kosachev/739946-echo/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁶ О проекте федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». Стенограмма N 203 (1176). 2010, 24 декабря. <http://transcript.duma.gov.ru/node/3294/?full> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁷ <http://www.argumenti.ru/army/n259/80257> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁸ U.S.-Russia Joint Threat Assessment Talks. 2009, December. <http://www.wikileaks.ch/cable/2010/02/10STATE17263.html> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁹ Габуев Александр. Россия берет ударные обязательства. *Коммерсантъ*. 2011, 25 января.
- ¹⁰ Выступление С.В. Лаврова на 47-й Мюнхенской конференции.
- ¹¹ Грек Александр. Восьмое чудо света: российский радар. <http://www.popmech.ru/article/4954-vostmoe-chudo-sveta/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹² Молчанов Анатолий. Новейшая система ПВО *Триумфатор-М* появится к 2015 году. <http://www.newsinfo.ru/articles/2010-04-30/triumf/730992/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹³ Дворкин Владимир. Либо будет совместная ПРО, либо... *Военно-Промышленный Курьер*. 2011, 9 февраля. <http://vpk-news.ru/articles/7073#article> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 2010, 30 ноября. <http://www.president.kremlin.ru/news/9637> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹⁵ Churchill Winston S. The Story of the Malakand Field Forces. An Episode of Frontier War. Arc-Manor, Rockville, Maryland. 2008. P. 17
- ¹⁶ Блог Леонида Радзиховского. <http://www.echo.msk.ru/blog/radzihovski/751533-echo/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).